

К IV веку Церковь ясно и определенно выразила учение о себе, как о лечебнице для немощей душ человеческих, как о педагогическом учреждении, ... воспитательнице рода человеческого, духовно рождающей чад Богу. Учение великих восточных отцов – святых Григория Богослова и Иоанна Златоуста – о пастырстве кратко может быть выражено именно так: пастырство есть служение, посредством которого Церковь перерождает грешных людей. ... И впавших в тяжкие болезни Она лечит покаянием и подает им благодатные силы Духа Святого для их [нравственного совершенствования](#). Те ригористы древности, которые ради мнимой святости Церкви хотели совершенно зачеркнуть или так или иначе ограничить покаяние, были осуждены Церковью как еретики (монтанисты) или раскольники (новациане, донатисты)...

По древнецерковным понятиям покаяние состоит не в исповедании только грехов, но непременно и в понесении епитимий, причем самая епитимия есть не что иное, как одно из лечебных средств. У святого Василия Великого для епитимии почти и нет никакого иного названия, как только врачевание; вся цель епитимии в том, чтобы согрешивших “извлечь из сети лукавого” (Василия Великого Правило 85) и чтобы “грех всячески низпровергати и истребляти” (Василия Великого Правило 29)...

Совершенно таков же взгляд на сущность покаяния и значение епитимии, выраженный в послании святителя Григория Нисского. У Григория мы находим гораздо больше прямых рассуждений о значении епитимии и покаяния. Каноническое послание святого Григория почти все представляет из себя наставления о врачевании душевных болезней согрешившего человека. Святитель пишет: “Как в телесном врачевании цель лечебного искусства есть едина – возвращенье здравия болящему, а образ врачевания различен, ибо по различию недугов в каждой болезни прилагается приличный способ врачевания; так и в душевных болезнях, по множеству и разнообразию страстей, необходимым делается многообразное целебное попечение, которое соответственно недугу производит врачевание”. Затем святой Григорий называет силы души: силу ума, силу волеизъявления и силу раздражения. “В сих бывают и подвиги живущих добродетельно, и падение поползновенных на зло. Посему, хотящий приложить приличное врачевство к недугующей части души, должен во-первых, рассмотреть, в которой части произошла болезнь; потом к страждущей, по приличию, прилагать врачевство так, чтобы не было, по незнанию врачевательного способа, подаваемо врачевство единой части, когда болезнь находится в другой – подобно как действительно видим многих врачей, которые, не узнав начально болезнующей части тела, врачевствами своими усиливали болезнь” (Григория Нисского Правило 1). Так святой Григорий преимущественно

оттеняет врачебное, воспитательное значение покаяния и епитимии. Церковь заботится только о пользе своих членов, которые могут иногда болеть. Грех святитель Григорий Нисский и называет болезнью (Правило 6), которую нужно врачевать покаянием, соответствующим греху.

“Присвоивший себе чужое чрез тайное похищение и потом чрез исповедь грех свой объявивший священнику, да врачует недуг упражнением, противоположным своей страсти, то есть раздаянием имения нищим, да расточив то, что имеет, покажет себя очищенным от болезни любостяжания. Не имеющему же ничего кроме тела, повелевает апостол телесным трудом страсть оную врачевать” (Правило 6). Из этих слов видно, что, признавая епитимию врачевством, Григорий Нисский имеет в виду не одно только отлучение от церковного общения, но и назначает и особые подвиги, которыми врачевалась бы страсть. Подвигов этих святой Григорий не определяет точно и подробно, а лишь дает общее наставление, чтобы налагаемый при покаянии в виде епитимии подвиг был противоположен врачуемой страсти. Время покаянной епитимии само по себе и для святителя Григория Нисского не имеет никакого значения. “Во всяком роде преступления прежде всего смотрети должно, каково расположение врачуемого, и ко уврачеванию почитати достаточным не время (ибо какое врачевание может быти от времени?), но произволение того, который врачует себя покаянием” (Григория Нисского Правило 8).

Мы привели все эти выдержки из первоначальных церковных епитимийных номоканонов потому, что выраженные в них взгляды на смысл покаяния и на значение епитимий канонизованы Церковью: эти именно взгляды “со услаждением” приняли отцы Седьмого Вселенского собора, которые определили правилам святого Василия Великого и Григория Нисского “ пребыть на веки несокрушимы и непоколеблемы” (Седьмого

собора Правило 1). Отцы Первого Вселенского собора 12-м правилом постановили: “надлежит приимати в разсуждение расположение и образ покаяния. Ибо которые со страхом и слезами, и терпением, и благотворениями обращение являют делом, а не по наружности, тех по исполнении определенного времени слушания прилично будет приимати в общение молитв. Даже позволительно епископу и человеколюбнее нечто о них устроить. А которые равнодушно понесли свое грехопадение, и вид вхождения в Церковь возмнили для себя довольным ко обращению, те всецело да исполняют время покаяния”. Подобным же образом рассуждали и отцы Анкирского собора: “Епископы да имеют власть, испытав образ обращения, человеколюбивости или большее время покаяния приложить. Паче всего да испытается житие, предшествовавшее искушению и последовавшее за оным, и тако да размеряется человеколюбие” (Правило 5). Шестой Вселенский собор, канонизовавший покаянные правила Василия Великого и Григория Нисского, как бы в подтверждение их, выразил и свой взгляд на покаяние. “Приявшие от Бога власти решить и вязати должны рассматривати качество греха и готовность согрешившего ко обращению, и тако употреблять приличное недугу врачевание, дабы, не соблюдая меры в том и другом, не утратити спасения недугующего... У Бога и у приявшего пастырское водительство все попечение о том, дабы овцу заблудшую возвратити и уязвленную змием уврачевати. Не должно ниже гнати по стремнинам отчаяния, ниже опускати бразды к расслаблению жизни и к небрежению; но должно непременно которым либо образом или посредством суровых и вяжущих, или посредством более мягких и легких врачебных средств противодействовати недугу и к заживлению раны подвизатися, и плоды покаяния испытывати, и мудро управляти человеком, призываемом к горнему просвещению” (Правило 102).

Точно такой же взгляд на покаяние найдем мы и в других, не канонических, памятниках древне-церковной письменности. Так же рассуждает о покаянии святитель Иоанн Златоуст в беседах о покаянии, о священстве и на послание к коринфянам. Златоуст говорит, что духовник-отец, а не судья, исповедь-врачебница, а не судилище, для заглаждения греха нужно исповедать его. Ни один врач, вместо того, чтобы дать лекарство больному, не подвергает его взысканиям и наказаниям за беспорядочную жизнь. Златоуст, подобно святителю Григорию Нисскому, советует врачевать страсть упражнением в противоположных ей добродетелях (см. “Творения”, изд. С.-Петербургской Духовной Академии. Т 2, стр. 312–315, 317, 323, 324).

[Читать полностью: Источник 1](#) , [источник 2](#)